

Священник Сергей Сидоров и его семья

Вспоминаю я и жизнь в Сергиеве, как прошедший ясный сон.

Нигде так не любили меня, как в Сергиеве, нигде не встречал я таких светлых и глубоких людей, как живя там.

Я глубоко привязался и к храму Петра и Павла и доныне скорблю о нем, но, видимо, мне не судил Бог жить у Преподобного.

*Из письма о. Сергия Сидорова
о. Михаилу Шиду, 1927 г.*

Поздней осенью 1923 года отец Сергей (1895–1937) с семьей приехал в Сергиев, где ему было предоставлено место священника в храме Петра и Павла, что расположен рядом с Уточьей башней монастырской стены. «Поселился он с семьей, – писала его дочь Вера Сергеевна Бобринская, – почти рядом с церковью на Большой Кокуевской улице в маленьком деревянном домике с терраской (дом 29). Такие дома составляют всю левую сторону улицы, они мало изменились за прошедшие семьдесят лет. Палисадники, заросшие сиренью; в садиках старые яблони и сливы раскинулись среди ухоженных зеленых грядок. Да и сама Большая Кокуевская улица с зеленой гривой по обочинам дороги, с высокими тополями и липами до сих пор являет собой образчик тихого провинциального уголка, что еще сохранился так близко от Москвы».

Вера Сергеевна не могла помнить Сергиев того времени – ей было 7 дней, когда арестовали ее отца, священника Петропавловской церкви о. Сергия Сидорова, и семья вскоре вынуждена была покинуть город. Но она приезжала сюда через полвека, когда составляла жизнеописание своего отца, чтобы увидеть места, где он жил. (Оно было издано вместе с записками о. Сергия Сидорова в 1999 году). На основании этих материалов и сведений, почерпнутых во время бесед с Верой Сергеевной, и написан этот очерк.

Перед самой революцией на высочайшее имя поступило прошение о передаче Сергею Сидорову титула и фамилии князя Кавкасидзе с целью восстановить угасший род грузинских князей – матерью С.А. Сидорова была Анастасия Николаевна, урожденная княжна Кавкасидзе. Но прошение не было удовлетворено, и у Сергея Алексеевича осталась фамилия его отца-разночинца.

Рождение мальчика стоило жизни его матери. Троих осиротевших детей взяла на воспитание незамужняя тетка, Варвара Николаевна Кавкасидзе, посвятив им всю свою жизнь. Заботы о детях разделила ее подруга, Вера Ивановна Ладынина, тоже незамужняя, бывшая горбатой после перенесенного в детстве туберкулеза позвоночника. Ее Сережа с детства и до самой ее кончины называл мамочкой.

Детство Сергея Алексеевича прошло в небольшом имении тетки Николаевке – в Курской губернии. В доме царил атмосфера непринужденности и простоты. Любовь к

живописи (Варвара Николаевна была художницей) и музыке, интеллектуальные занятия были на первом месте. «В Николаевке рай земной», – писала сестра Сергея Ольга. Прекрасный липовый парк, где пели соловьи, два пруда, в которых купались дети, масса цветов... И детям, и домашним и диким ручным животным было тепло и уютно в усадьбе».

Но пришло время учиться, и Сережу привезли в Москву. Он впоследствии вспоминал: «С семи лет, то есть со времени моего приезда в Москву, я не пропустил ни одной торжественной церковной службы. Звоны Кремля, мгла ранней обедни, золотые ленты крестных ходов всегда привлекали меня, и я любил теряться в толпе, ожидая приезда Иверской, и простаивать долгие ночные моления у Пантелеймона в часовне».

С семи лет ребенок страдал от сильных болей в ногах – у него было заболевание спинного мозга. Болезнь то утихала, то обострялась в годы детства и юности. «Боль спины, рук и ног, – писал он, – тяжелая бессонница заставляли меня ходить по улицам, площадям и переулкам, пока звон к ранней обедне не призывал идти в какую-нибудь церковь, и служба несколько успокаивала боли, после чего я возвращался обратно домой».

Сергея Сидорова окружали друзья – его любили за остроумие, живость, за доброжелательное отношение к людям. Особенно близко сошелся он с Сергеем Николаевичем Дурылиным, тот водил его на теософские собрания, на лекции о Павла Флоренского, на свои чтения, на доклады о Иосифа Фуделя в религиозно-философском обществе имени Владимира Соловьева. Сын о. Иосифа Сергей Фудель вспоминал: «Сережа Сидоров тогда был юноша с курчавой черной головой и красивыми восточными глазами... Сережа ни в каком высшем учебном заведении не учился, но был по-своему образован и самобытен. Он хорошо знал русскую поэзию, мемуарную литературу и русскую историю, и в этой истории его любимым веком был восемнадцатый. Он был романтик, но романтика как-то легко и просто уживалась в нем с глубоким церковным чувством».

В декабре 1916 года Сидоров впервые побывал в Оптиной пустыне и стал духовным сыном старца Анатолия. В последний раз он приехал в Оптину в сентябре 1917 года. Из «Записок Сергея Сидорова»: "Осень метила деревья лиловым золотом, трава приняла цвет осенних зарниц, кричали чечетки, остро свистели синицы. У Святого колодца теплый запах земли с едва приметной тленью старого сруба. Я любил, лежа на траве, вдыхать его и думал о счастье, о жизни, о радости, следя за быстрым летом изменчивых облаков по темно-синему небу. Звонили к покровской всенощной. Пунцовые лучи вместе с первым заморозком оседали на соснах. Розовели далеко у самого края обрыва купола козельских церквей, и отсвет их заревых пожаров ложился на дорогу. По дороге шли богомольцы. Они пели молитвы, и звуки святых песнопений переходили в гулкие вечерние звоны...

Сутолока станции противна после тишины лесной. Толпа, давка, красные плакаты. Еле выбрался из толчеи зала третьего класса. Ждал поезда, отчего-то давали билеты, хотя почти невозможно было сесть в вагоны, переполненные желто-серой ругающейся толпой. Люди лежали на земле, слонялись среди оранжевых далей осенних полей, толпились на всех ступеньках станционных строений. Какие-то самодовольные хвастливые пареньки

бегали по платформе и кричали о близком перевороте: было начало октября 1917 года. А паровозы гудели, и звонили тревожно звонки в дырявой станционной двери».

Вскоре Сидоров уехал из Москвы в родную Николаевку. Но в селе становилось все тревожнее. Появились банды. Помещиков убивали. И в конце декабря 1918 года он вместе с тетей и Верой Ивановной (мамочкой) уехал из имения в Киев. Накануне отъезда их полностью ограбили.

В Киеве Сергей Алексеевич осуществил свое желание посвятить жизнь служению Церкви, поступил в Киевскую Духовную академию и успел окончить два курса. Весной 1920 года он женился на Татьяне Петровне Кандибе из старинного украинского рода.

К этому времени Сергей Алексеевич потерял отца. Алексей Михайлович Сидоров был юристом, членом коллегии областного суда в Харькове. После революции он потерял работу, очень страдал от голода и холода. Перед наступлением на Харьков Деникина большевики арестовали всех членов суда и других, уважаемых в городе граждан и держали в качестве заложников в Орловской тюрьме. Крайне тяжело читать письма Алексея Михайловича из тюрьмы. Он просил старшего сына Алексея, который был известным искусствоведом, помочь, похлопотать. Алексей Алексеевич пытался добиться освобождения отца, но безуспешно: отношение к интеллигенции у большевиков было таким же, как и к буржуазии. Один из руководителей ВЧК, М. Лацис, писал в октябре 1918 года в журнале «Красный террор»: «Нет нужды доказывать, выступало то или иное лицо против Советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее: к какому классу он принадлежит, откуда он происходит, какое воспитание он имел и какова его специальность? Эти вопросы должны решить судьбу арестованного».

Добиться освобождения А.М. Сидорова не удалось. Вышел приказ – расстрелять заложников. Накануне вечером им разрешили пойти в церковь. Утром 10 сентября 1919 года расстреляли.

В Киеве в 1920 году царил голод. Найти работу было невозможно. В семье работал один Сергей Алексеевич – в одном из отделов Киевского губсобеса. В сентябре 1921 года он принял сан священника и получил приход в селе Почтовая Вита под Киевом. Прихожане любили молодого священника. Но жить было по-прежнему трудно. Очень болела Варвара Николаевна. Ее отвезли в Киев, там она и умерла в мае 1922 года. Отец Сергей страдал не только от неустройства жизни, но и от тревожных событий в церковных делах: в то время произошел раскол Украинской Церкви. Ему не с кем было общаться в селе, скучала и жена. И Сергей Сидоров уехал сначала в Киев, а осенью 1923 года в Москву и получил место в Сергиевом Посаде.

Там в то время жило большое количество известных аристократических семей. Отец Сергей еще до революции был знаком со многими из них. В Посаде он бывал в семьях Истоминых, Комаровских, Огнёвых. Из воспоминаний С.П. Раевского: «Мне трудно сейчас объяснить, чем именно привлекал нас к себе этот молодой священник. Но он с самого начала знакомства с ним всех нас буквально очаровал. Было что-то притягательное в его красивом, благородном, одухотворенном лице. Мы искренне полюбили его. Всякий раз радовались его приходу, обожали слушать его рассказы, иногда кажущиеся фантастическими и вместе с тем естественными, реальными. И, несмотря на

то, что в Сергиеве было много почитаемых светских и духовных лиц, отец Сергей очень скоро оказался особо почитаемым верующими священником не только своего прихода, но и всего города. Многие семьи желали знакомства и ним, и он, посещая их, оставлял неизгладимый след...

Отец Сергей не получил специального образования, и весь запас своих знаний в области литературы, философии, богословия и других дисциплин он накопил путем самообразования и общения с высокообразованными людьми. Будучи высокообразованным человеком, о. Сергей легко заинтересовывал слушателей, в особенности любознательных, своими увлекательными и проникновенными рассказами на самые различные темы. Беседы касались литературы, истории, искусства и многих других вопросов, относящихся к духовной жизни человека, его поведению в обществе и индивидуальным качествам. Он убедительно прививал нравственные устои юношеству, мог с большим интересом толковать Евангелие и наряду с этим уводить слушателей в мир неразгаданных тайн природы».

В Посаде о. Сергей обрел друзей – Сергея Павловича Мансурова и Александра Ивановича Огнёва. Его духовником стал старец Гефсиманского скита о. Порфирий.

Не сразу решился он побывать у известного на всю страну старца Зосимовой пустыни Алексия, жившего после закрытия пустыни в Сергиевом Посаде. Старец был болен и слаб. Но летом 1924 года о. Сергей попросил разрешения посетить его. Старец успокоил молодого священника, недовольного своей деятельностью, порой тревожно и неуверенно чувствовавшего себя с людьми, искавшими его духовничества. А однажды старец сам призвал о. Сергия к себе. Вот как вспоминал эту встречу о. Сергей:

– Вот вам приказ. Исполните его, если меня любите. Возьмите к себе Михаила Владимировича Шика в заштатные диаконы, вы его знаете.

– Знаю, – отвечал я, – и горячо люблю и уважаю, но он еврей, и я боюсь, что мои прихожане, зараженные ненавистью к евреям, не захотят его принять.

– Не говорите мне этого, – прервал отец Алексей, – это безумие – ненавидеть евреев. Ненависть всякая – грех, а ненависть к народу Божию, пришедшему ко Христу, есть ничем не оправдываемый грех. Ваше дело убедить прихожан... Я вам заповедаю всегда быть близким с Михаилом Владимировичем. Вам завещаю после смерти моей сказать всем моим знакомым, что Михаил Владимирович мой любимый духовный сын...

Я попросил благословения старца и вышел от него с несколько тревожными мыслями. Зная и глубоко почитая Михаила Владимировича как одного из самых светлых и достойных христиан, я недоумевал, как мне удастся побороть мысли моего приходского совета...».

И все-таки о. Сергию удалось выполнить приказ старца. Исполнена была и заповедь старца – о. Михаил стал близким другом о. Сергия, а его жена, княжна Наталья Дмитриевна Шаховская – другом семьи о. Сергия.

В 1927 году в письме о. Михаилу Шик о. Сергей писал: «Вспоминаю и я жизнь в Сергиеве, как прошедший ясный сон. Нигде так не любили меня, как в Сергиеве, нигде не встречал я таких светлых и глубоких людей, как живя там. Я глубоко привязался и к храму Петра и Павла и донине скорблю о нем, но, видимо, и мне не судил Бог жить у Преподобного».

Время служения о. Сергия в Петропавловской церкви (1923–1925 годы) было трудным для Русской Православной Церкви. В 1922 году произошел обновленческий раскол. Инициативная группа, возглавляемая протоиереем А. Введенским образовала ВЦУ (Высшее Церковное Управление) и заняла Троицкое подворье в Москве. Патриарх Тихон был удален оттуда и перевезен в Донской монастырь, где более года содержался под строжайшим домашним арестом. Митрополит Вениамин (Казанский) обратился к верующим с посланием, направленным против обновленческого раскола, и отлучил от церкви А. Введенского, В. Красницкого и еще нескольких священников, возглавивших так называемую «Живую Церковь», за что был расстрелян. Часть духовенства присоединилась к раскольникам, демонстрировавшим преданность советской власти, их стали называть обновленцами.

Разделение Православной Церкви на патриаршую – «Тихоновскую» и обновленческую сказалось и в Сергиевом Посаде. О. Сергей был одним из тех, кто всецело поддержал Патриарха Тихона. Из «Записок о. Сергия»: «У меня родилась мысль пригласить в Сергиев Посада святейшего (Патриарха Тихона – Т.С.), чтобы его приездом укрепить там православных и заставить колеблющихся пастырей раз и навсегда порвать с красной ересью. Я полагал, что взрыв энтузиазма верующих, возбуждаемый пребыванием Патриарха, образумит всех, задумывающихся о возврате в Сергиев красной церкви, и навсегда прекратит поползновения епископа Стручинского учредить себе базу в Сергиеве. Для этого я собрал из числа наиболее достойных и почетных членов Петропавловского совета депутацию к святейшему, которая должна была поднести ему хлеб-соль на замечательном блюде, а также панагию резную, и просить его пожаловать к нам в назначенный день для богослужения. Святейший принял нас милостиво, поблагодарил депутацию за хлеб-соль и за панагию и обещал служить в нашей церкви на осеннего Сергия, 25 сентября».

При встрече 19 сентября 1924 года Патриарх дал о. Сергию список лиц, которых надо было пригласить для совместного с ним богослужения и сказал: «Береги себя. Я очень боюсь, что из-за моего приезда тебя заберут. Ты знаешь, если тебя арестуют, мне будет очень тяжело. Никто не знает, кроме Бога, как тяжело знать, что из-за меня страдают люди по тюрьмам и высылкам».

Как и предчувствовал Патриарх, о. Сергия арестовали как раз перед его посещением города. Пробыл о. Сергей в Бутырской тюрьме около двух месяцев, потом его отпустили под подписку о невыезде.

Седьмого апреля 1925 года Патриарх скончался (о. Сергей оставил воспоминания о его похоронах). По его завещанию Местоблюстителями Патриаршего престола были назначены митрополиты Кирилл (Смирнов), Агафагел (Преображенский) и Петр (Полянский). Но митрополиты Кирилл и Агафагел находились в ссылке и потому не могли воспринять должность Местоблюстителя. И Русскую Православную Церковь возглавил митрополит Петр. Вскоре его арестовали, так как властям были известны его твердые убеждения и бескомпромиссность в духовных вопросах. Вместе с митрополитом Петром была арестована большая группа духовенства, всего 42 человека. В их число вошли и о. Сергей Сидоров и о. Михаил Шик. Их обвиняли в укрывательстве и пособничестве

церковным деятелям. Кроме того, у о. Сергия нашли при обыске синодик, в котором были записаны для поминовения император Николай II и его дети.

О. Сергей очень страдал в тюрьме: возобновились боли в ногах, руках и позвоночнике. Его положили в тюремную больницу. Он мучился бессонницей, у него возникали галлюцинации. Следователь грозил арестом всей семьи (у о. Сергия было трое детей).

Помог о. Сергию также сидевший в Бутырке епископ Николай (Добронравов), запретивший ему властью епископа говорить что-либо следователю.

Обвинение ему было предъявлено по ст. 58, получил он «минус шесть» на три года. В августе 1926 года он вместе с семьей уехал во Владимир. Через некоторое время ему дали приход в селе Волосове под Владимиром. Приход был очень бедным. Болели дети, умер старший сын. Переболел тифом сам о. Сергей. Смертельно заболела Вера Ивановна (мамочка). Душевное состояние о. Сергия было тяжелым: он был оторван от друзей, чувствовал себя одиноким. Поддерживали его письма о. Михаила Шика, который в ссылке был рукоположен в сан священника.

В течение трех лет о. Сергей не имел права выехать из Владимирской области. Только в начале 1929 года он смог перебраться в Московскую область, получив приход в селе Лукино Серпуховского района.

Татьяна Петровна ждала ребенка. Подошло время родов, и она поехала в Москву. В.С. Бобринская писала: «Сильная февральская метель обрушилась на столицу, был уже поздний вечер. На вокзале Татьяна Петровна взяла извозчика – это был старик с седой бородой, одетый в тулуп, – и попросила его ехать в ближайший родильный дом: у нее уже начались схватки. Старик, человек опытный в житейских передрягах, быстро подъехал к близлежащему родильному дому, слез с саней и повел Татьяну Петровну в приемный покой. Там прежде всего потребовали документы: "Кто муж? Священник?! Жен попов не принимаем!" Старик молча отвел Татьяну Петровну в сани и поехал к следующей больнице. И там повторилась та же история. Тогда извозчик плюнул и сказал: "Ну и пакостные у нас порядки! Где это видано, чтобы бабу не принимали родить! Повезу-ка я тебя сейчас к себе домой, и моя старуха примет твоего ребенка". А Татьяна Петровна уже и говорить не могла от сильных болей и чувствовала, что вот-вот родит прямо в санях. Было уже за полночь, когда они проезжали мимо освещенного здания, в котором оказался медицинский институт, где изучали способы обезболивания родов. В последний раз старик, крича, слез с саней и пошел уже один в приемный покой. О, радость! – у него даже документов не спросили. Выбежали нянечки, подхватили Татьяну Петровну и только успели довести ее до родильной палаты, как у нее родился крепкий мальчик Алексей».

В феврале 1930 года о. Сергия опять арестовали. Следствие не нашло фактов, дававших основание для его привлечения к ответственности. Но, «принимая во внимание, что Сидоров С.А. разными методами антисоветской деятельности разлагающе влияет на население и тормозит общественную работу, то есть является социально вредным человеком», он был приговорен ОСО при коллегии ОГПУ в Серпухове к трем годам лагеря.

Семье, в которой тогда было четверо детей, пришлось очень трудно. Из села, опасаясь ареста, Татьяна Петровна была вынуждена уехать. Жили в деревне. Были лишены избирательных прав. Татьяну Петровну, как лишенку, уволили из конторы, где

она было устроилась. Потом ее взяли на работу почтальоном. Вера Сергеевна описывает такой случай: «Помню солнечный мартовский день – мне было тогда шесть лет. Мы с мамой идем по широкой деревенской улице. У меня веселое настроение, и я, подпрыгивая, кружусь около мамы. Навстречу идет девочка моих лет, угрюмая и злая дочь председателя сельсовета. Она нас ни с того, ни с сего толкает меня в снег, да еще и ударяет ногой. Я была крепким и сильным ребенком и в таких случаях давала сдачи обидчику. Так и тогда я вскочила и хотела стукнуть девчонку. Но мама каким-то странным взглядом удержала меня, и мы пошли дальше. "Вера, ведь мы лишенцы, – сказал мама, – и если бы ты толкнула эту девочку, то ее отец мог бы снять меня с работы. Только из милости он держит меня, из-за детей". Тихонько шли мы по сверкающей мартовским солнцем улице, и темный страх бессилия перед несправедливостью и злыми чужими людьми впервые закрался в мою душу».

Конечно, прожить на зарплату, которую получала Татьяна Петровна, было невозможно. Помогали московские друзья и родственники. И все равно жили голодно. «Я не могу придти в себя от вчерашнего посещения Тани, – писала Ольга Алексеевна, сестра о. Сергия. – Алеша ночью проснулся с плачем: "Дай, мамочка, хлеба!.." Леля тоже вечером тихо плакала и просила хлеба. Таня ей довольно резко сказала: "Говорю тебе, ложись спать, тогда есть не хочется". Танечка заснула раньше, а Боря целые дни мрачно молчит».

Боря как раз пошел в первый класс. В классе висела большая диаграмма в виде круга, в котором секторами был показан социальный состав учащихся: красный сектор – дети рабочих, синий – крестьян, зеленый – служащих и тоненький черный сектор (один ученик) – лишенец. Это был Боря. «Я смотрю на фотографию первого класса, где Боря, худенький мальчик, робко смотрит из заднего ряда шаловливых деревенских ребят, – писала Вера Сергеевна. – Старшего, любимого сына отца Сергия, сломало это положение парии в обществе».

А о. Сергий попал в лагерь у станции Пинюг, в 150 км от Котласа. Работал на строительстве дороги, в отряде, возводившем мосты, валил лес, обтесывал бревна для копра. Потом его перевели на более легкую работу – ухаживать за свиньей начальника лагеря.

В письмах домой он писал, как соскучился по дому, справлялся о детях, о знакомых и просил прислать жиров для лечения ран на ногах. И в то же время отмечал, среди какой природы приходится ему работать: «...Сейчас работаю физически, тяну копер среди удивительно красивого леса (письмо уже из другого лагеря – Мариинского, 1923 год). Свистят красногрудые птички, щелкают соловьи, много замечательно красивых цветов. Тоска моя растет о вас, любимые, очень тоскую без доброго для меня дела. Не знаю, увижу ли тебя, Таня, будет ли это счастье. Хлопочу в тюрьме о свидании, хотя, кажется, свидание несколько затруднительно. Сменяется здесь погода часто: то жаркий весенний день, то снежная буря. Третьего дня целый день шел снег, разводили костер, а птички грелись вместе с нами у него и садились к нам на руки. Сегодня я видел черного, похожего на ласку, зверька, появились большие желтые бабочки и махаоны...».

И вот кончился срок. С.П. Раевский пишет в своих воспоминаниях о встрече с о. Сергием в 1933 году: «Как-то вечером мы с братом Михаилом и сестрой Еленой сидели дома, раздался звонок. Я пошел открыть дверь, и передо мной оказался человек, имевший вид арестанта, в бушлате, простых брюках и сапогах. Лицо поразительно знакомое, но на нем отпечаталось что-то тяжело пережитое. В то же мгновение я узнал отца Сергия... Мы сидели продолжительное время, пили чай, разговаривали. У меня осталось впечатление, что отцу Сергию жизнь в лагере была особенно тяжела из-за богохульной ругани, которую он там слышал на каждом шагу... Он со смирением рассказывал, как его однажды приставили дневальным к оперативнику с большим чином. Этому мерзавцу доставляло удовольствие обругивать дневального за недостаточно хорошую чистку сапог».

Отцу Сергию въезд в столицу и проживание Московской области были запрещены, но он не мог не повидать друзей.

После освобождения он получил приход на окраине города Муроме во Владимирской области. Семья жила в селе Карачарове. Самую слабенькую девочку – Татьяну – взяла к себе сестра отца Сергия, Ольга Алексеевна. Веру и Алешу отдали в детский сад. Но скоро детей велели забрать оттуда – воспитательница обнаружила у Веры христианские взгляды.

А о. Сергей чувствовал себя снова очень одиноким – рядом не было культурных, духовно близких ему людей. Исключение составляла семья Федора Алексеевича Челищева, его знакомого еще по Сергиеву Посаду.

Храмы в Муроме закрывались, положение о. Сергия было непрочным. Большой духовной поддержкой были письма о. Михаила Шика и его жены, живших в Малоярославце. Помогали они и посылками – продукты, одежду и обувь для детей посылала Наталья Дмитриевна Шик-Шиховская, сама имевшая пятерых детей.

Татьяна Петровна страшно уставала: она работала на фанерном заводе. Дороги в Карачарове во время дождей превращались в непролазную грязь – трудно было дойти до места работы. А там надо было толкать вагонетку, подсовывать листы фанеры под пресс. Особенно тяжелы были ночные смены. Ведь днем дома надо было топить печь, носить воду из-под горы, кормить детей.

В начале лета 1935 года Сидоровы переехали в Муром, где сняли комнату в доме у одной вдовы. Как-то придя домой, Татьяна Петровна застала там вора. Он был так смущен бедной обстановкой комнаты, что сконфузился и стал утешать хозяйку: мол, не надо бояться, все устроится...

Церковь, где служил о. Сергей, закрыли. Он получил назначение в другой приход – в пятидесяти километрах от Муроме. Жил там, в отрыве от семьи, в сторожке. И по вечерам, при свечке, стал писать записки-воспоминания о людях, которых знал; о встречах с замечательными иерархами и подвижниками Русской Православной Церкви, исследование о странничестве и о встречах со странниками. Эти записки, написанные карандашом, мелким неразборчивым почерком, были разобраны его дочерью, Верой Сергеевной и опубликованы в 1999 году.

Наступил 1937 год. О. Сергей лишился своего последнего прихода. Но он не мог жить, не совершая литургию. Стал ездить в Москву и к о. Михаилу Шик в Малоярославец,

где были тайные домовые церкви. Понимал, что ареста не избежать. И когда жена умоляла его не ездить в Малоярославец, грустно и спокойно отвечал, что судьба его решена.

Арестовали о. Сергия 13 апреля 1937 года. Жене разрешили его проводить. Встречные раскланивались, еще не понимая, что происходит.

Дочь его Вера потом написала такие стихи:

*Этот день нам судьбой отмерен,
С каждым годом ясней в дали...
Ты вошел и сказал растерянно:
– Таня, за мной пришли.
Мама метнулась. Скорей, скорей,
Вот кружка, сундук открыт.
Среди детских рубашек и простыней
Уж давно узелочек лежит.
.....
И рядом шли, встречали знакомых,
Дорога эта последней была...
Четверо нас оставалось дома,
Пятого мама ждала.*

О. Сергия обвинили в том, что он «являлся активным участником контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников – последователей “Истинно Православной Церкви” и руководителем Владимирского, Муромского и Киржачского филиалов этой организации, принимал участие в нелегальном совещании церковников в Москве, где выступал с контрреволюционными предложениями об объединении всей православной Церкви на борьбу с Советской властью».

На фотографии из следственного дела о. Сергия узнать трудно: обрита голова, острижена борода. Но главное – глаза, глаза человека, ждущего смерти.

По этому делу было расстреляно 27 сентября 1937 года восемь человек, в том числе два друга – о. Сергей Сидоров и о. Михаил Шик.

А семья о. Сергия голодала. Через три месяца после ареста мужа Татьяна Петровна родила сына – Сережу. В то время она работала регистратором в больнице, получала ничтожную зарплату, одновременно училась на курсах медицинских сестер. Иногда она совсем падала духом. Ее дочь Татьяна рассказывала: «Мама не человек, а тень. Она нам говорит: “Я покончу с собой, тогда вас всех разберут, вам не придется больше голодать”».

Окончив курсы, Татьяна Петровна, чтобы прокормить семью, устроилась медсестрой на две смены – в медпункте и потом еще в поликлинике. Три ставки, восемнадцать часов в день почти без выходных и отпусков. А Сережа, младший, был таким нервным ребенком, что в ясли его не приняли: стоило спустить его с рук, как он начинал кричать. Так и вырос на руках в буквальном смысле. Сестра Вера держала его на руках и языком перелистывала страницы учебника – была первой ученицей в классе.

Приходил из школы брат Борис, – нарочно учились в разные смены – брал ребенка на руки он.

О Татьяне Петровне во время войны люди думали, что она из блокадного Ленинграда. Спала, скорчившись, на маленьком сундуке.

– Мама, зачем ты спишь так? – спрашивала Вера. – Постели на полу.

– Я сплю так, чтобы не проспать.

Спала она три–четыре часа в сутки. Почти не ела, только пила горячую воду. И вырастила детей. Дети не были ни пионерами, ни комсомольцами. Никогда не отступались от отца, от веры, но умели молчать. И все получили высшее образование.

Борис поступил в Лесной институт, но началась война, и он пошел на фронт, в пехоту. Был тяжело ранен в лицо. После войны остался в звании капитана. Заочно окончил Лесной институт, работает лесничим на Украине. Горными инженерами стали Вера, Алексей и Сергей. А Татьяна (р.1927) получила гуманитарное образование, работала редактором.

Их мать, страшно исхудавшая, надорвавшаяся на непосильной работе, жила, пока оставалась маленькая надежда, что муж жив – ведь семье сообщили приговор: «10 лет без права переписки». Весной 1956 года она получила известие о смерти и реабилитации отца Сергея и вскоре скончалась.

Последние годы она прожила без нужды: ее дочь Вера, несмотря на тягу к гуманитарным наукам, стала горным инженером, что давало большие средства к существованию, чем гуманитарные специальности. Вера помогла окончить институт и младшему брату. Но проявлялась склонность к искусству, к поэзии, полученная от отца. Ее стихотворения были изданы отдельной книжкой (Стихи графини Веры. М., 199?). Вот одно из них.

РОДИТЕЛЯМ

*Бесконечность тревог и разлуки
Не подвластна прошедшим годам,
Лишь во сне мы целуем вам руки
И во сне мы печалимся вам.*

*Может быть, потому мы не в силах
Горечь в сердце с годами унять:
Нам не плакать на ваших могилах
И цветов нам на них не сажать.*

*Только ломкий багульник пахучий
Расцветает там поздней весной,
Только низкие серые тучи
Тихо плачут осенней порой.*

*Да под ветром лишь листья кружатся
Средь безмолвной глухой тишины.
До тех мест нам никак не добраться,*

Где вы видите вечные сны.

*Имена ваши дали мы детям,
Устояли в войны грозный час.
Если мы перед вами в ответе,
Что, скажите, вы ждете от нас?*

...Только через несколько лет Вера Сергеевна узнала место гибели отца – Бутовский полигон под Москвой.